

Римма Ефимкина
root@psy.nsu.ru

Роман Ф. М. Достоевского «Идиот» в свете гештальт-подхода

*Мне удается потому, что у меня есть
глаза и уши, и я - не боюсь*
Ф.Перлз

Для меня роман Достоевского долгое время был загадкой: я восхищалась, наблюдая мгновенные метаморфозы, происходящие с людьми, совершенно разными по социальному статусу, возрасту, полу, интеллекту, воспитанию, мировоззрению, во время диалогов с князем Мышкиным. Как это достигается? Что заставляет людей, встречающихся с князем, менять привычные способы поведения, открываться с новой, лучшей стороны? Как Мышкин вызывает в людях желание меняться, что несет он людям и что при этом получает сам? Откуда, из какого универсального для всех людей опыта получаем мы это знание?

В рамках данной статьи я хочу проанализировать некоторые диалоги, проливающие свет на все эти вопросы, с тем, чтобы хотя бы частично разгадать загадку Достоевского. Я назвала статью «Роман Ф.М.Достоевского «Идиот» в свете гештальтподхода», при этом рискуя впасть в вульгарные сравнения типа: Мышкин - гештальтист, диалоги героев - контакт и т.п. Однако параллели действительно есть, и когда я читаю роман, то невольно мысленно попадаю в собственные ситуации взаимодействия с людьми, в том числе и на тренингах, на консультациях. И какая принципиальная разница между этими двумя реальностями, если вопросы, на которые я ищу ответ, одни и те же? Итак, обратимся к тексту.

Автор с первой страницы романа знакомит читателей с главным героем, князем Мышкиным. Он оказывается в одном купе поезда на пути из Швейцарии в Петербург с Рогожиным и Лебедевым. Последние ведут себя, как сказал бы гештальтист, «проективно»: «Черноволосый сосед в крытом тулупе все это разглядел, частью от нечего делать, и наконец спросил с тою **неделикатною усмешкой**, в которой так **бесцеремонно и небрежно** выражается иногда людское **удовольствие при неудачах ближнего**: «Зябка?»(6)¹

Мое собственное ощущение от чтения этих строк похоже на то, что возникает, когда тебя оценивают. Это чувство унижения, возмущения и желание защититься, поставить человека на место, наказать, ответить агрессией на агрессию. Мышкин же отвечает «с чрезвычайною готовностью»(6): «Готовность белокурого молодого человека в швейцарском плаще отвечать на все вопросы своего черномазого соседа была удивительная и **без всякого подозрения совершенной небрежности, неуместности и праздности** иных вопросов»(7) Это действительно удивляет, потому что на привычный, знакомый, всем известный ход в известной и привычной игре (агрессия - контрагрессия) князь Мышкин делает непонятный ответный ход, непонятный потому, что это напоминает игру в «поддавки», ход, который явно ведет к проигрышу! Но одновременно удивляешься тому, что князь при этом вовсе не проигрывает, а наоборот, он вызывает симпатию. Чем? Тем, что

отвечает на вопросы с двойными транзакциями (если по Берну) таким образом, будто скрытых транзакций нет, отвечает по сути.

В диалоге выясняется, что князь лечился за границей: «Слушая его, черномазый несколько раз усмехался; особенно засмеялся он, когда на вопрос: «Что же, вылечили?» - белокурый отвечал, что «нет, не вылечили»(7) Теперь уже над князем смеются двое попутчиков, Рогожин и Лебедев. Первый «язвительно заметил»: «Хе! Денег что, должно быть, даром переплатили, а мы-то им здесь верим!» Его сосед поддакивает: «Истинная правда-с, только все русские силы даром к себе переводят!» В этот момент просто страшно становится за князя: двое на одного, причем на такого человека, который, как кажется на первый взгляд, не может сказать «нет». И тут выясняется, что князь очень даже может сказать это пресловутое «нет», причем так, что никто из попутчиков не обижается, а наоборот, оба проникаются к князю еще большей симпатией и доверием: «О, как вы **в моем** случае ошибаетесь, - подхватил швейцарский пациент **тихим и примиряющим** голосом, - конечно, я спорить не могу, потому что всего не знаю, но мой доктор мне из своих последних еще на дорогу сюда дал да два почти года там на свой счет содержал»(7)

Эти открытость, принятие чужого мнения, готовность соглашаться с собеседником обескураживают и подкупают Лебедева, привыкшего повсюду искать подвоха. Он хотя в душе и считает князя простофилей, но не может не признать вслух: «Гм... по крайней мере простодушны и искренни, а сие похвально!»(8)

Что касается Рогожина, то он неожиданно для себя совершенно откровенно рассказывает о том, что его волнует **сейчас на самом деле**: свою историю про бриллиантовые подвески, которые он купил для Настасьи Филипповны на деньги отца-скопидама и из-за которых едва не поплатился собственной жизнью. Недоверчивый и озлобленный Рогожин открывает первому встречному самые сокровенные свои переживания. Почему? Мне кажется, это происходит потому, что князь сам открыт, в его словах нет недомолвок, недоговоренности, он «не темнит» сам и не предполагает, что будут играть в прятки с ним. В этом смысле показательным то, как Рогожин представляется: «Рогожина знаете?» - «Нет, не знаю, совсем... Это вы Рогожин-то?»(10) Князь тем самым предлагает общаться прямыми посланиями и первый демонстрирует, как это можно сделать, не оскорбляя достоинства своего и собеседника.

И в финале встречи вдруг обнаруживается, что Рогожин, несмотря на его «сумрачное лицо», человек, способный на настоящие искренние чувства, человек, в котором есть по крайней мере две стороны: злобная, черная, темная (это подчеркивается многочисленными эпитетами - «черномазый», «черноволосый»), но также и светлая, широкая: «Князь, неизвестно мне, за что я тебя полюбил. Может, оттого, что в эту минуту встретил, да вот и его встретил (он указал на Лебедева), а ведь не полюбил же его. Приходи ко мне, князь. Мы эти штиблетишки-то с тебя снимаем, одену тебя в кунью шубу в первейшую, фрак тебе сошью первейший, жилетку белую али какую хошь, денег полны карманы набью, и... поедем к Настасье Филипповне! Придешь аль нет?»(15)

Мне тоже было неизвестно, за что сразу же начинаешь любить князя Мышкина. Легче всего сослаться на случайность, как Рогожин («может, оттого, что в эту минуту встретил»), но «случайность» повторяется снова и снова, в

других обстоятельствах и с другими людьми, которые, встретившись с князем, после разговора с ним оказываются под обаянием его личности.

В этом смысле замечательна встреча князя с камердинером генерала Епанчина, к которому он поехал сразу же с вокзала. К генералу пройти можно было аж через три (!) «заставы»: первая - ливрейный слуга, смотревший на князя и его узелок с подозрением и недоумением, сдавший его с рук на руки камердинеру только после «неоднократного и точного заявления, что он действительно князь Мышкин и что ему непременно надо видеть генерала по делу необходимому»(19). Вторая - камердинер, который «был во фраке, имел за сорок лет и озабоченную физиономию и был специальный, кабинетный прислужник и докладчик его превосходительства, вследствие чего и знал себе цену»(19) Он отправляет князя в приемную ожидать секретаря (третья «застава»).

Все попытки князя заговорить он просто пресекает: «Да, у меня дело...» - начал было он. «Я вас не спрашиваю, какое именно дело, - мое дело только об вас доложить. А без секретаря, я сказал, докладывать о вас не пойду»(19) Камердинер, привыкший видеть людей «насквозь», на этот раз чувствует, что что-то не то, «слишком уж князь не подходил под разряд вседневных посетителей»(19) И дело не только во внешнем виде. А в чем? Князь рассказывает, кто он, откуда, спрашивает, нельзя ли ему здесь где-нибудь покурить. «Казалось бы, разговор князя был самый простой; но чем он был проще, тем и становился в настоящем случае нелепее, и опытный камердинер не мог не чувствовать что-то, что совершенно прилично человеку с человеком и совершенно неприлично гостю с человеком»(21) Впервые камердинер не знает, как поступить. Его раздрают амбивалентные чувства: «князь ему почему-то нравился, в своем роде, конечно. Но с другой точки зрения, он возбуждал в нем решительное и грубое негодование»(22) Нравился как человеку и вызывал негодование как у функционера. Однако «человек» берет верх: «Узелок-то постануйте хоть вон сюда» - «Я уж об этом думал, если позволите. И, знаете, сниму я и плащ?» - «Конечно, не в плаще же входить к нему»(22) А после рассказа князя камердинер сам предлагает ему покурить, хотя за несколько минут до этого упрекал его, что «стыдно и в мыслях это содержать»(20)

Но главный вопрос для меня - почему камердинер все-таки стал слушать князя? Я думаю вот о чем. Зачастую мы не удостаиваем собеседника быть с ним откровенным, говорить о вещах, которые нас **действительно** волнуют. За ритуалами «Как дела?» - «Спасибо, хорошо» стоят вполне разумные рационализации типа: «Это мои проблемы, зачем ему это надо»; «Некогда»; «Все равно не поймет», «Я не интересен», «Если узнают мои сокровенные мысли и чувства, я стану уязвим» и т.д. Мы боимся быть смешными, неуместными, неинтересными, боимся, что нас просто не станут слушать. Князь Мышкин не боится быть не услышанным, он говорит с камердинером на тему, которую немислимо себе и представить - о том, что он чувствовал во время присутствия на казни в Лионе и о собственных мыслях по этому поводу. И при этом не испытывает ощущения, что, возможно, «мечет бисер». И камердинер, «хотя и не мог бы так выразить все это, как князь, но, конечно, хотя и не все, но главное понял, что видно было даже по умилившемуся лицу его»(25)

Что же это за «главное», которое понимает любой человек? На мой взгляд, это контакт между людьми, которого каждый неосознанно жаждет и так же неосознанно опасается. Куда безопаснее пребывать в ритуале, здесь

опасность сведена до минимума, так как все шаги известны наперед. В ритуале мы делимся тем, что не жалко отдавать, так как самим не нужно. В контакте же мы отдаем и получаем истину, которую отдать так же рискованно, как и получить. И этот риск - плата за причастность, за «зрячьность», за знание того, что происходит на самом деле.

Вот еще одна сцена - встреча князя с генералом Епанчиным - испытание прямо противоположное предыдущему. Теперь разница в социальном статусе сменилась с плюса на минус. Общее же то, что генерал, как и камердинер, не желает слушать князя и не верит ему, так как заранее предполагает какую-то скрытую цель. Замечательно описание невербального поведения генерала при встрече: «Генерал, Иван Федорович Епанчин, стоял посреди своего кабинета и с чрезвычайным любопытством смотрел на входящего князя, даже шагнул к нему два шага»(26) После обмена первыми репликами «генерал чуть-чуть было усмехнулся, но подумал и приостановился; потом еще подумал, прищурился, оглядел еще раз своего гостя с ног до головы, затем быстро указал ему на стул, сам сел несколько наискось и в нетерпеливом ожидании повернулся к князю»(26) Генерал не захотел ответить князю год назад, когда получил от него письмо из Швейцарии. Не спешит он разговаривать с князем Мышкиным и теперь. Действительно, что может быть общего между этими двумя людьми? Князь как будто и сам признает это: «И вот, ей-богу же, генерал, хоть я ровно ничего не знаю практически ни в здешних обычаях, ни вообще как здесь люди живут, но так я и думал, что у нас непременно это и выйдет, как теперь вышло. Что ж, может быть, оно так и надо... Да и тогда мне тоже на письмо не ответили. Ну, прощайте и извините, что обеспокоил»(27)

Князь Мышкин показывает уважение к «границам» генерала: «Не желал бы беспокоить, так как я не знаю ни вашего дня, ни ваших распоряжений»(26); отказывается остановиться в доме генерала: «Это могло быть, но не иначе как по вашему приглашению. Я же, признаюсь, не остался бы и по приглашению, не почему-либо, а так... по характеру»(27) Все это сбивает с толку генерала, который видит в князе бедного родственника, пришедшего просить на бедность. Особенно поражает его то, что князь готов, «несмотря на видимую затруднительность своих обстоятельств»(27), в любой момент встать и уйти, причем совершенно без обиды, «весело рассмеявшись»(27) Причем «взгляд князя был до того ласков в эту минуту, а улыбка его до того без всякого оттенка хотя бы какого-нибудь затаенного неприязненного ощущения, что генерал вдруг остановился и как-то вдруг другим образом посмотрел на своего гостя; вся перемена взгляда совершилась в одно мгновение»(28)

Что произошло? «Мы почитаем всех нулями, а единицами себя...» Тем более поражает нас открытие в другом человеке таких качеств, как автономность, независимость, ощущение собственного достоинства, принятие других. Так же, как и камердинер, генерал меняет свое ретрофлексивное поведение, проявляя в князе участие: «Вот что, князь,.. если вы в самом деле такой, каким кажетесь, то с вами, пожалуй, и приятно будет познакомиться»(28)

Снова, в который уже раз, происходит это чудо - чудо контакта: люди позволяют рухнуть стене, разделяющей их (Э.Фромм). Князь Мышкин свято верит в ту идею, что между людьми «только так кажется, что нет точек общих,

а они очень есть... это от лености людской происходит, что люди так промеж собой на глаз сортируются и ничего не могут найти...»(28)

Когда читаешь про эти «общие точки» между людьми, невольно вспоминаешь схемы из гештальттеории: вот два кружочка, не касающиеся друг друга - это ретрофлексия. Вот сливающиеся кружки - конфлюэнция. Частично закрывающие друг друга - интроекция и проекция. И наконец, схема, на которой два кружка касаются друг друга только в одной **точке** - взаимодействие, при котором возникает контакт.

На самом деле все мы по большому счету одиноки, все мы нуждаемся в добрых людях, и именно это нас объединяет. Помните этот же феномен в Булгаковском романе «Мастер и Маргарита»? Иешуа называет «добрыми» всех людей, не исключая Марка-Крысобоя: «Он, правда, несчастливый человек. С тех пор как добрые люди изуродовали его, он стал жесток и черств... Если бы с ним **поговорить**..., я уверен, что он резко изменился бы»² И Иешуа, и князь Мышкин идут на этот риск - они не боятся говорить, даже когда их не хотят слушать, они верят в силу слова, в силу контакта. И самое удивительное то, что их начинают слушать, потому что они говорят истину.

Раз уж речь зашла о романе «Мастер и Маргарита», не могу не привести еще один эпизод. Прокуратор, испытывая муки головной боли, вынужден вести допрос Иешуа. Вслух он произносит: «Зачем же ты, бродяга, на базаре смущал народ, рассказывая про истину, о которой ты не имеешь представления? Что такое истина?» Про себя же он думает только о своей головной боли: «О, боги мои! Я спрашиваю его о чем-то ненужном на суде... Мой ум не служит мне больше...» И в этот момент возникает тот самый феномен, который каждый раз поражает меня в гештальте - происходит контакт здесь и теперь, то важное для обоих, заставляющее взглянуть людей друг на друга с неподдельным, искренним интересом - та самая истина, о которой спрашивает Пилат, истина, а не разговоры о ней. Иешуа отвечает Пилату: «Истина прежде всего в том, что у тебя болит голова, и болит так сильно, что ты малодушно помышляешь о смерти. Ты не только не в силах говорить со мной, но тебе трудно даже глядеть на меня. И сейчас я невольно являюсь твоим палачом, что меня огорчает...»³

В обоих диалогах - князя с генералом и Иешуа с Пилатом - есть общее: ретрофлексивная погруженность в себя, в свои заботы генерала Епанчина и прокуратора Пилата, их нежелание впускать в свой внутренний мир постороннего. Послания, которые делают князь и Иешуа: «я тебя понимаю», «ты мне нужен, а я нужен тебе». Ср. слова князя: «Еще в Берлине подумал... может быть, мы друг другу пригодимся, они мне, я им, - если они люди хорошие»(27) Слова Иешуа: «Прогулка принесла бы тебе большую пользу, а я с удовольствием сопровождал бы тебя. Мне пришли в голову кое-какие новые мысли, которые могли бы, полагаю, показаться тебе интересными, и я охотно поделился бы ими с тобой, тем более что ты производишь впечатление очень умного человека»⁴ И оба эти послания достигают своей цели.

Князь Мышкин и Иешуа - особые люди. В черновиках Достоевский называет Мышкина Князем Христом. В романе же он сообщает об этом читателю через ремарки героев. «Словно Бог послал»(53), - думает о князе генерал Епанчин. «Я верую, что вас именно для меня Бог привел в Петербург из Швейцарии. Может быть, будут у вас и другие дела, но главное, для меня. Бог именно так рассчитал»(85), - говорит Мышкину генеральша. «Таких, как ты, Бог любит!»(16)» - замечает Рогожин, которому вторит Лебедев: «И таких

Господь Бог любит»(16) «В первый раз человека видела!»(179) - так отзывается о князе Настасья Филипповна.

Бог и человек в одном лице. Что есть у этих двух людей такого, чем не владеют другие, обычные люди? Если отвечать коротко - они **умеют видеть** и **не боятся говорить**. И этим отличаются от простых смертных. Эту разницу отлично знал Достоевский. Знал Перлз, слова которого вынесены в эпиграф статьи. Знают дети, которые тоже, подобно богам, смотрят на мир открытыми глазами и называют вещи своими именами.

Человечество всегда знало об этом, метафорически запечатлев свое знание в мифах. В мифе о Психее⁵, описанном и проанализированном Робертом А.Джонсоном, смертная женщина, Психея, будучи замужем за богом Эросом, должна выполнять два условия - никогда не видеть своего мужа и не задавать никаких вопросов. Прозрев, она лишается рая земного и мужа одновременно. И только пройдя ряд испытаний, Психея вновь обретает своего мужа, но главное - получает в награду бессмертие, то есть из обыкновенной женщины превращается в богиню. По мысли древних, только боги имеют привилегию **видеть** и **говорить**, то есть называть истину...

Но вернемся к героям Достоевского. Во время встречи князя Мышкина и генеральши Епанчиной между ними происходит два замечательных диалога как раз на эту тему. Генеральша, последняя в роду княжон Мышкиных, «которой почти никогда не удавалось поговорить о своей родословной, при всем желании»(57), наконец, нашла в князе благодарного собеседника. Здесь его готовы слушать.

Генеральша:

- Ну, говорите же.

- Матап, да ведь этак очень странно рассказывать, - заметила Аделаида.

- Я бы ничего не рассказала, если бы мне так велели, - заметила Аглая.

- Почему? Что тут странного? **Отчего ему не рассказывать? Язык есть.**(58)

Действительно, кажется, ничего не мешает сказать о том, что ты чувствуешь сейчас, здесь, но большинство людей просто не умеют этого и не понимают, как можно вот так запросто, без подготовки, без репетиции, без шпаргалки говорить о каких-то значимых для них вещах.

Похожий диалог повторяется через некоторое время между Аделаидой, князем и генеральшей:

- Найдите мне, князь, сюжет для картины.

- Я в этом ничего не понимаю. Мне кажется: взглянуть и писать.

- Взглянуть не умею.

- Да что вы загадки-то говорите? Ничего не понимаю! - перебила генеральша. - Как это взглянуть не умею? **Глаза есть, и гляди.** Не умеешь **здесь** взглянуть, так и за границей не выучишься.(61)

Кажется, так просто: язык есть - говори, глаза есть - гляди. Можно ли этого не уметь? Можно ли этому научить? Почему это знает и умеет князь? Где, у кого он сам научился этому? Когда сестры Епанчины в шутку начинают просить князя поучить их быть счастливыми, он рассказывает о своей жизни в швейцарской деревне и о дружбе с детьми. Именно дети, будучи не скованными социальными табу, способны глядеть и при этом видеть, говорить то, что чувствуют, понимать суть вещей, быть счастливыми. Швейцарскому

учителю, который не мог понять, почему у князя дети все понимают, а у него ничего, князь ответил: «Мы оба их ничему не научим, а они еще нас научат»(70)

«Ребенку можно все говорить, - все; меня всегда поражала мысль, как плохо знают большие детей, отцы и матери даже своих детей. От детей ничего не надо утаивать под предлогом, что они маленькие и что им рано знать. Какая грустная и несчастная мысль! И как хорошо сами дети подмечают, что отцы считают их слишком маленькими и ничего не понимающими, тогда как они все понимают. Большие не знают, что ребенок даже в самом трудном деле может дать чрезвычайно важный совет. О Боже! когда на вас глядит эта хорошенькая птичка, доверчиво и счастливо, вам ведь стыдно ее обмануть!.. Через детей душа лечится»(70)

Чему же князь учит сестер Епанчиных? Каждый из нас был ребенком, поэтому у каждого из нас есть этот опыт, это умение жить здесь и сейчас, эта способность быть в контакте с собственными чувствами и желаниями. Отличие князя Мышкина от других людей в том, что он не утратил этого контакта со своим «ребенком»: «Шнейдер мне высказал одну очень странную свою мысль... что он вполне убедился, что я сам совершенный ребенок, то есть вполне ребенок, что я только ростом и лицом похож на взрослого, но что развитием, душой, характером и, может быть, даже умом я не взрослый, и так и останусь, хотя бы я до шестидесяти лет прожил... Я и в самом деле не люблю быть со взрослыми, с людьми, с большими, - и я это давно заметил, - не люблю, потому что не умею. Что бы они не говорили со мной, как бы добры ко мне ни были, все-таки с ними мне всегда тяжело почему-то»(77)

Мне снова хочется сравнить князя Мышкина и Иешуа. Князь Мышкин, так же как и Христос, «послан» людям: «Я сидел в вагоне и думал: «Теперь я к людям иду; я, может быть, ничего не знаю, но наступила новая жизнь». Я положил исполнить мое дело честно и твердо. С людьми мне будет, может быть, скучно и тяжело. На первый случай я положил быть со всеми вежливым и откровенным; больше от меня ведь никто не потребует. Может быть, и здесь меня сочтут за ребенка, - так пусть!»(78)

Быть ребенком - значит быть открытым, любопытным, откровенным в своих проявлениях, иметь свой независимый взгляд на вещи, говорить о том, что думаешь на самом деле. У каждого человека есть этот опыт, «стоит только всякому вспомнить, как сам был ребенком»(74) В этом смысле князь Мышкин и в самом деле сохранил в себе Ребенка, и этот внутренний Ребенок является для него мерилom отношений между людьми. В Лизавете Прокофьевне и ее трех дочках князь с первого взгляда увидел людей таких же, как он сам, с этим внутренним Ребенком: «Послушайте, когда я давеча вошел сюда и посмотрел на ваши милые лица, - я теперь очень всматриваюсь в лица,- и услышал ваши первые слова, то у меня, в первый раз с того времени, стало на душе легко. Я давеча уже подумал, что, может быть, я и впрямь из счастливых: я ведь знаю, что таких, которых тотчас полюбишь, не скоро встретишь, а я вас, только что из вагона вышел, тотчас встретил. Я очень хорошо знаю, что про свои чувства говорить всем стыдно, а вот вам я говорю, и с вами мне не стыдно»(79)

Еще одна важная деталь: известно, что дети очень хорошо понимают по выражению лиц то, о чем им не говорят словами. Взрослые делают детям по этому поводу замечания. Их специально учат **не** смотреть и **не** задавать вопросов. Считается неприличным долго смотреть в лицо человека, особенно незнакомого. Однако именно это делает князь («я теперь очень всматриваюсь

в лица»), чтобы ориентироваться в незнакомом ему мире. И его наблюдательность буквально ошеломляет людей, которые не смеют вырваться из рамок социальных запретов.

Для князя Мышкина несоответствие в самом человеке прежде всего видно по его лицу. ««Он, должно быть, когда один, совсем не так смотрит и, может быть, никогда не смеется» - почувствовалось как-то князю»(25), когда он впервые, еще в передней генерала, увидел Гаврилу Ардалионыча (Ганю). Если с людьми, которых любишь, общаться легко и приятно, то общение князя с Ганей - пример противоположный. Ганя злится на князя, за то что тот стал невольным свидетелем его сложной и темной игры. И когда его замыслы один за другим проваливаются, он вымещает свое бешенство на князе: ««О, идиот пр-ро-клятый... и рассказать ничего не умеет!» Ганя, раз начав ругаться и не встречая отпора, мало-помалу потерял всякую сдержанность, как это всегда водится с иными людьми»(91)

И снова происходит неожиданная вещь. Князь, который на протяжении длинного разговора с Ганей невозмутимо и откровенно давал ответы на все его вопросы, и при этом, казалось, невозмутимость его беспредельна, так что уж досадно за него становилось: совсем, что ли, гордости у человека нет, - этот самый князь сказал вдруг: «Я должен вам заметить, Гаврила Ардалионович,.. что я прежде действительно был так нездоров, что и в самом деле был почти идиот; но теперь я давно уже выздоровел, и потому мне несколько неприятно, когда меня называют идиотом в глаза. Хоть вас и можно извинить, взяв во внимание ваши неудачи, но вы в досаде вашей даже два раза меня выбрали. Мне это очень не хочется, особенно так, вдруг, как вы, с первого раза; и так как мы теперь стоим на перекрестке, то не лучше ли нам разойтись: вы пойдете направо к себе, а я налево»(91) Эта речь князя Мышкина замечательна как пример Я-высказывания. Он говорит о своих собственных чувствах, называет действия собеседника, но при этом ни в коей мере не унижает его личность. И Ганя, который «ужасно смутился и даже покраснел от стыда»(91), горячо извиняется. И снова князь находит замечательные слова, которые позволяют собеседнику остаться на высоте: «О, мне и не нужно таких больших извинений... Я ведь понимаю, что вам очень неприятно, и потому-то вы и бранитесь. Ну, пойдёмте к вам. Я с удовольствием...»(92)

Притягательная сила романов Достоевского в том, что он создает в них ситуации, где человек проявляется очень глубоко, где он больше не хочет и не может притворяться, где с него слетает все напускное. В этом смысле его романы не похожи на жизнь. Мы прекрасно знаем, что в жизни нельзя проявлять чувства так же открыто, обнаженно, как, например, на групповом тренинге либо только с самыми близкими людьми да и то в редкие минуты. Когда князь говорит Епанчиным: «Я очень хорошо знаю, что про свои чувства говорить всем стыдно», - мне кажется, он именно это имеет в виду. Но именно этот прием Достоевского - искусственное создание ситуации - позволяет не только понять движущие мотивы людей, но и самому читателю испытать сильнейшие чувства. Именно так человек «прозревает», а прозрев, получает возможность выбирать: или жить по-прежнему, при этом **видя**, или изменить свою жизнь.

Примечания

¹ Роман цитируется по изданию: Достоевский Ф.М., Собрание сочинений в 15-ти томах. Т. 6. - Л.: Наука, 1989. В скобках указывается страница.

² Булгаков М.А. Мастер и Маргарита. // Романы. - Кишинев, 1987. С. 479-480.

³ Там же. С. 477.

⁴ Там же.

⁵ Джонсон Р.А. Она. Глубинные аспекты женской психологии. - Харьков: Фолио, М.: Институт общегуманитарных исследований, 1996.